

Научная статья
УДК 93

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54>

АРХЕТИП ПРАЗДНИКА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.

**Анастасия Юрьевна
Сизова**

Российский государственный гуманитарный
университет,
Москва, Россия, nastasya-ya@yandex.ru

Аннотация. Статья освещает социальные революционные процессы февраля – октября 1917 г. сквозь призму антропологических исследований и теорию психоанализа, выявляя и анализируя иррациональные модели поведения масс. В основе своей иррациональная, толпа становится главным политическим актором в 1917 году, являясь проводником бессознательных архетипических моделей поведения. Понимание механизмов формирования этих моделей открывает новый взгляд на многие социально-политические процессы революционного года. Одна из важных целей доклада – сделать шаг к интеграции конкретно-исторических исследований и исследований в области антропологии и психологии, что существенно расширит методологическую базу и откроет такие возможности для исследователя, которые в узких рамках конкретно-исторической науки не достижимы.

В статье исследуются общественно-политические события российской революции 1917 г. сквозь призму антропологических исследований праздничной культуры человечества. Выявляются основные признаки праздника в революционных событиях, такие как: карнавальная антураж, расточительство, употребление опьяняющих веществ, сексуальное освобождение, слом норм социального поведения, нарушение запретов, смена социальных ролей, эскалация насилия. Будучи зашифрованы в бессознательном культурном коде народа, эти «праздничные» модели поведения выходят на поверхность как эмоциональные, бессознательные реакции на революционный слом рационалистических опор социума и, по мнению автора, становятся определяющими развитие социально-политического процесса в России в революционный период. Однако, в отличие от праздника, хронологические рамки которого всегда известны заранее, революция не имеет прогнозируемых временных границ, что делает ее непредсказуемой и опасной, т.к. общество, однажды вышедшее за грань социальных норм поведения, испытывает большие трудности с возвращением к привычной жизни без принуждающего внешнего фактора.

Ключевые слова: Россия, революция, 1917 год, массы, психология толпы, праздник, архетипичное поведение.

Для цитирования: Сизова А. Ю. Архетип праздника в революционных событиях 1917 г. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 39–54. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54>.

Сведения об авторе: А. Ю. Сизова – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России новейшего времени, Исторический факультет, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

Scientific Article

UDC 93

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54>

THE ARCHETYPE OF THE "FEAST" IN THE 1917 REVOLUTION

Anastasiia Yu. Sizova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, nastasya-ya@yandex.ru

Abstract. The article sheds light on the social revolutionary processes of February–October 1917 through the lens of anthropological research and the theory of psychoanalysis, identifying and analyzing the irrational patterns of mass behavior. Fundamentally irrational, the crowd became the main political actor in 1917, being the conductor of unconscious archetypal patterns of behavior. Understanding the mechanisms of these models opens up a new look at many socio-political processes of the revolutionary year. One of the important goals of the report is to take a step towards the integration of specific historical research and research in the field of anthropology and psychology, which will significantly expand the methodological base and open up opportunities for the researcher that are not achievable within the narrow framework of specific historical science.

The article examines the socio-political events of the Russian Revolution in 1917 through the prism of anthropological studies of the human festive culture. The paper reveals the main features of a feast in revolutionary events, such as: carnival entourage, wastefulness, the use of intoxicating substances, sexual liberation, breaking the norms of social behavior, violation of prohibitions, changing social roles, escalation of violence. Being encrypted in the unconscious human cultural code, these "feast" patterns of behavior come to the surface as emotional, unconscious reactions to the revolutionary demolition of the rationalistic pillars of society and, according to the author, become determining of the development of the socio-political process in Russia during the revolutionary period. However, unlike a real feast, the chronological framework of which is always known in advance, revolution does not have predictable time frames, which makes it unforeseeable and dangerous, because a society that once went beyond the social norms of behavior experiences great difficulties in returning to its daily life without a coercive external factor.

Keywords: Russia, revolution, 1917, masses, crowd psychology, feast, archetypal behavior.

For citation: Sizova, AYu 2022, 'The archetype of the "feast" in the 1917 Revolution', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 39–54, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54> (in Russ.)

Information about the Author: *Anastasiia Yu. Sizova* – PhD in History, Associate Professor, Chair of Contemporary History of Russia, Department of History, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Ploshchad Sq. 6, Moscow, 125047, Russia.

© Sizova A. Yu., 2022

*Рациональное создает науку,
иррациональное направляет историю.
Гюстав Лебон*

Уникальность революционного периода заключается в том, что главным актором политики и творцом истории становится уличная толпа. Февральская революция в России – не исключение. Это был редкий момент, когда политика вершилась на улицах. Поэтому изучение массовых революционных движений в 1917 г. являет собой важнейший аспект изучения истории революции.

Социально-политические и экономические причины и движущие силы российской революции на сегодняшний момент неплохо изучены. Однако на взгляд автора, очевидно, что человек рационален лишь отчасти, мотивы его поведения далеко не всегда можно объяснить только политическими и экономическими причинами, а значит и понимание исторического процесса без изучения иррациональных аспектов поведения людей всегда будет неполным. Особенно демонстративно иррациональное проступает в моменты острых социально-политических кризисов, чем и является революция.

В массовых революционных движениях зачастую прослеживается нечто очевидно безумное, не поддающееся логическому осмыслению. «Когда бунтующие толпы шествовали по Невскому проспекту, то им, казалось, доставляло особенное удовольствие разбивать все стекла в пределах досягаемости. По-видимому, они хотели не ограбить магазины, а просто уничтожить» - свидетельствует наблюдавшая революционный процесс со стороны американская журналистка Флоренс Харпер [42, с. 39]. Действительно, поведение толп в ходе Февральской революции совсем не походило на организованные действия революционеров. Все стратегически важные городские пункты: вокзалы, мосты, железные дороги, телеграф не интересовали революционеров. Зато толпа первым делом бросилась громить магазины, в том числе винные, склады, в том числе книжные [3, с. 88], музеи и скульптурные композиции; останавливать и переворачивать трамваи; жечь книги, ноты, музыкальные инструменты, произведения искусства, постельное белье, гобелены; бить фарфор [30, с. 39; 36, с. 373; 44, с. 264–265].

Иногда поведение толпы противоречит даже элементарной логике голодных людей, страдающих от продовольственных трудностей. В Петрограде во время погрома в лавке на углу Среднего проспекта и 18-й линии Васильевского острова толпа попросту выбросила весь хлеб на мостовую [44, с. 264–265]. Юнкер Голубинцев свидетельствует, что «над Обводным каналом пылало зарево от горевших барж с зерном» [10, с. 177].

Не отставали в своем безумии и солдаты на фронте, поджигая лазареты Красного Креста вместе с больными и ранеными однополчанами [8, с. 300]. Ф. Харпер, работавшая волонтером Красного Креста на Западном фронте, пишет о том, что через несколько месяцев после свершившейся революции «несколько лучших врачей и хирургов России вышвырнули из военных лагерей, а кое-кто из них вообще едва унес ноги, бросив все свое имущество. В госпиталях не осталось ни одного квалифицированного врача» [42, с. 124].

Революционные солдаты и матросы в Гельсингфорсе, изгнав прежних обитателей из царского дворца на Северной Эспланаде, первым делом запустили в него свиней и кур и держали их там несколько революционных месяцев [13, с. 45].

Ничуть не менее безумным выглядит и поведение крестьян. Громя помещичьи усадьбы, они порой просто так уничтожали все то, что не могло пригодиться в хозяйстве – интерьеры, посуду, музыкальные инструменты, разбирали кирпичную кладку [38, с. 150]. При этом они вовсе не стремились занять помещичью усадьбу. Все, что не

могло быть разрушено и сожжено, просто оставляли гнить [36, с. 373]. В помещичьих садах вырывали деревья с корнями и бросали на месте [12, с. 353]. Совершенно дикий рассказ помещика о погроме его хозяйства приводит Ф. Харпер: «Они открыли стойла и истязали скот. Некоторых лошадей закопали заживо; коров выпустили после ужасных издевательств над ними. Одних расчленили, у других отрезали вымя. Против меня лично они не испытывали никакой злобы. Отношение к ним всегда было хорошим. Один старик, приехавший в Петроград по делам, рассказал мне об этом, по его лицу при этом катились слезы, хотя он сам принял самое деятельное участие в этом погроме» [42, с. 186–187].

Отчасти эти феномены объясняет психология толпы. Родоначальником ее изучения является Гюстав Лебон. Выдвинутая им еще в конце XIX в. теория неоднократно находила свое подтверждение в XX в., в последствии она была конкретизирована Габриэлем Тардом, Зигмундом Фрейдом и Сержем Московичи. Все исследователи сходятся в том, что ключевым отличием человека толпы от индивида является его повышенная эмоциональность и пониженные когнитивные способности и, как следствие, тотальный иррационализм поведения, а также стремительное понижение социальной ответственности и высокая степень эмоциональной «заражаемости». Попадая в толпу, человек неизбежно теряет свою индивидуальность и превращается как бы в «клетку» единого организма, спаянного общей эмоцией. Эмоция моментально передается от одного к другому, усиливаясь до колоссальных размеров. При этом интеллект остается невостребованным, поскольку интеллектуальная деятельность рассыпает толпу, а спаивает ее общее эмоциональное состояние, которое перестает быть контролируемым в виду отсутствия интеллекта и мощи эмоциональной «заразы». «Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии – в дикую ненависть», – пишет З. Фрейд [40, с. 18]. Каждый человек в толпе ощущает себя частью огромного целого, а значит и ответственность за действия как будто распределяется на всех, то есть, фактически не лежит ни на ком. Это толкает толпу на те поступки, которые человек никогда бы не совершил в одиночестве. Еще одной важной характеристикой толпы, связанной со всеми предыдущими, является «внушаемость». Г. Лебон и З. Фрейд проводят прямые параллели между состоянием человека толпы и человеком, находящимся под гипнозом: и в том и в другом случае сознательная личность совершенно теряется, воля и способность различения отсутствуют. Человек больше не сознает своих действий. Все его чувства и мысли ориентированы в направлении, указанном гипнотизером или вождем. При этом у человека некоторые «способности могут быть изъяты, а другие доведены до степени величайшей интенсивности». Под влиянием внушения человек в непреодолимом порыве может приступить к выполнению определенных действий, даже не успев осознать этого. По мнению исследователей, это неистовство у масс еще непреодолимее, чем у загипнотизированного, поскольку степень внушения возрастает в силу взаимодействия индивидов между собой [26, с. 140–141; 40, с. 15–16].

Эффект эмоциональной «заражаемости» и «внушаемости» констатируют многие очевидцы и участники революционных событий 1917 г. Побывавший на митинге корреспондент «Раннего утра», недоумевал: «Каким чудом эта масса лиц, еще вчера далеких друг другу, сегодня вдруг объединилась в одно целое, высказывает одинаковые мысли, идет в одном и том же направлении?!» [21, с. 17]. Молодой офицер Н. Реден, описывая солдатский бунт в первые дни революции, пишет о том, что по одиночке солдаты подчинялись приказам, но «когда собирались в больших количествах, то становились упрямыми и злобными» [33, с. 64]. Неизвестно, читал ли помощник Обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахов Г. Лебона, но он прямо сравнивает поведение революционной толпы с «картиной массового гипноза» [14, с. 61]. С. П. Мельгунов

объясняет массовый арест чиновников в Петрограде в марте именно «массовой психологией», фактически, эмоциональной «заразой», приводя в пример то, что ничего подобного в Москве, например, не было [28, с. 166].

Не стоит думать, что влиянию толпы подвергались только малообразованные слои населения. Многие представители интеллигенции также констатируют, что испытали влияние толпы на себе. «Клич изо дня в день растущий в народе: «Не доверяйте людям образованным, интеллигентным, студентам!» Еще мгновение – и, кажется, веришь в это и готов сжечь свои книги, рукописи...», – пишет о себе М. Пришвин [30, с. 80]. Ф. Шаляпин в своих воспоминаниях признает, что надел красную ленточку только потому, что ее носили все, впоследствии он раскаивался в том, что пошел на поводу у масс [45, с. 464]. З. Гиппиус повествует о знакомом студенте, известном своими индивидуалистическими взглядами, который в мартовские дни пребывал «в экстазе, забыл весь свой индивидуализм» [9, с. 73]. «Это было проявление того чувства имитативности, почти физического стремления слиться с массой и быть заодно с ней, которое может быть названо революционным психозом», – свидетельствует С. П. Мельгунов [28, с. 62].

Еще одной важнейшей характеристикой толпы, на которую указывают все исследователи, является ее консерватизм [26, с. 158; 29, с. 77–78, 86; 40, с. 19]. Посему кажущийся прогресс революционного движения – лишь видимость. Для прогресса необходим здравый смысл и развитие науки. Масса же, выходящая на арену политической жизни в эпоху революции, действует на основании образов, вызываемых эмоцией, и эти образы являются ничем иным, как архаическими пластами, хранимыми в народной памяти, закрепленными обычаем и традицией. «По ту сторону сознания, когда барьеры уничтожены, существует темный мир, который сформировался в давние времена. Он оставил следы на нашем теле и в нашей памяти. Ему достаточно небольшого сдвига, чтобы взять реванш. Он переворачивает вверх дном представление о психической и социальной норме», – пишет С. Московичи [29, с. 182]. Этим сдвигом и становится революция, как фактор тотальной нестабильности, когда в один миг оказываются сломлены вся государственная структура, традиционный жизненный уклад, вся привычная картина мира. Человеческое сознание, как бы повисает в пустоте, ему больше не за что держаться, и оно оказывается в оцепенении, и тогда на арену выходит бессознательное, транслируемое через чувственный, эмоциональный канал человеческой психики, многократно усиливаясь «заражаемостью» толпы.

«Сфера рационального в такие периоды сужается, размывается, возрастает роль чувственно-эмоционального восприятия. Актуализируются архаические пласты человеческого мышления», – пишет Б. И. Колоницкий [19, с. 12]. В. П. Булдаков называет российскую революцию «бунтом замаскированной архаики» [7, с. 34], а очевидец событий З. Гиппиус формулировала свое видение происходящего так: «Нет сейчас в мире народа более безгосударственного, бессовестного и безбожного, чем мы. Свалились лохмотья почти сами, и вот, под ними голый человек, первобытный» [9, с. 104–105].

Одним из лежащих на поверхности примеров «бунта замаскированной архаики» является торжество крестьянской общины в 1917 г. приведшее к уничтожению практически всех фермерских хозяйств в ущерб здравому смыслу и прогрессу.

Для того чтобы выявить глубинные архаичные пласты человеческого поведения в революционных событиях 1917 г. обратимся к понятию «архетип», впервые введенному в научный оборот К. Г. Юнгом. Создав концепцию коллективного бессознательного, Юнг теоретически обосновал наличие в ней архетипов. Коллективное бессознательное Юнг понимал как некий субстрат психического бытия людей, общий для всех и передаваемый из поколения в поколение, – коллективную память челове-

чества. Архетипы представляют собой структурные элементы, скрытые в коллективном бессознательном. Архетип является смыслообразующей формой, хранящей в себе повторяющийся из раза в раз опыт многих поколений людей. Наполнение же в нее поставляет окружающая реальность. Поступающая из вне информация наполняет форму и выходит наружу в виде стереотипных эмоциональных реакций, шаблонов поведения и мифологических представлений. Архетипичные мифы красной нитью проходят сквозь культуру мировых цивилизаций, а когда складываются актуализирующие их исторические условия, выходят на арену социально-политической жизни.

Одной из фундаментальных архетипических конструкций является *мифология смерти*, распространенная в культуре народов всей планеты.

Каждый вечер солнце садится за горизонт и воцаряется ночь, олицетворяющая первоначальный хаос, каждое утро из этого хаоса вновь рождается день, новое утро рождает новое солнце – символ космогонии. И снова творится мир, до тех пор, пока не будет вновь разрушен смертью, но лишь для того, чтобы вновь породить жизнь. Также интерпретируется и смена времен года. При этом смерть несет важную функцию обновления и очищения. Воссоздаваясь заново, мир возвращает себе юность и творческую энергию, растрченную в процессе старения. Таким образом, миф о смерти являет собой и миф о возрождении жизни, обновленной и очищенной, то есть *миф о воскрешении*. Смерть – это абсолютный хаос, ничто, но в нем содержится зародыш жизни – семя, в котором скрыта информация о жизни.

С мифологией смерти напрямую связан *миф об апокалипсисе*, как смутное предчувствие конца света. Румынский антрополог Мирча Элиаде пишет, что миф о конце мира встречается у многих примитивных народов, и повторяется во всех великих исторических цивилизациях [47, с. 283]. «В течение тысячелетий неоднократно проповедуется одна и та же идея: этот мир несправедлив, отвратителен, отдан на откуп дьяволу; и, к счастью, он уже на грани полного разложения, процесс катастрофического распада начался, старый мир трещит по всем швам, в самом скором будущем он будет уничтожен, силы тьмы будут окончательно побеждены, праведники восторжествуют, и врата рая откроются для них» [46, с. 163]. Для того, чтобы процесс обновления произошел, и человек получил возможность вернуться в изначально райское состояние, необходимо, чтобы разрушение омраченного и нечистого мира было тотальным, т.к. только за смертью следует новая жизнь, и только из хаоса рождается новая космогония.

«Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» – этот призыв связан, как известно, не только с российской революцией, а с революцией вообще. С рациональной точки зрения разрушать предыдущую цивилизацию «до основанья» глупо и даже опасно, поскольку только при опоре на прошлое возможно поступательное развитие истории, но с мифологической точки зрения все прямо наоборот. Если не уничтожить все до основания, строительство нового «райского» мира будет невозможно, так как ядовитые миазмы прошлого разрушат «дивный новый мир» в зародыше.

С мифологией смерти напрямую связан и *архетип праздника*. Праздник – древнейший спутник человечества, присутствующий во всех без исключения культурах народов мира. Атрибуты праздника прослеживаются уже в эпоху палеолита и даже на еще более ранних стадиях – вплоть до гоминид [24, с. 272; 39, с. 331]. Предпосылки ритуального праздника можно наблюдать даже в обезьяньих сообществах [23, с. 48–49]. Не углубляясь в эту тему, признаем лишь, что праздник это не то, что было однажды изобретено, праздник был всегда.

В качестве основной характеристики древнего праздника исследователи выделяют – нарушение запретов. Это сакральное время, в течение которого позволено все.

Семейные и социальные иерархии отменяются, или переворачиваются. Низы общества больше не подчиняются верхам. Дети не повинуются родителям, слуги – хозяевам, вассалы – сеньорам. Люди получают возможность называть друг друга смешными и злыми словами, неприемлемыми в обычных условиях. Во время праздника терпят и поощряют самые противоестественные соединения, самые невероятные встречи. Повсюду прекращается работа, все предаются чрезмерному потреблению и даже коллективному истреблению припасов, накопленных за долгие месяцы и неумеренному употреблению опьяняющих веществ. Разрешена, а в некоторых обществах и обязательна полная сексуальная свобода, что зачастую приводит к массовым оргиям, или инцестам. Наружу выходят все страсти, в обычной жизни сдерживаемые правилами и традициями. На время праздника законы перестают работать, их нарушение становится не только приемлемым, но и обязательным. Допускается и даже поощряется проявление взаимной агрессии.

Все это совмещается с эстетическим антуражем: обращением к маскараду, использованием в одежде и обиходе ярких, контрастных цветов, присутствием шутов с их пестрыми костюмами и «дурацкой» болтовней, всевозможными шумовыми приспособлениями [5, с. 179; 15, с. 159; 17, с. 218–219, 221; 41, с. 390, 618–619, 620–621, 630–631].

Праздник опирается на иррациональные, чувственные пласты человеческой психики, стирая различия в обществе, он являет собой погружение человека в некий «докосмогонический хаос» [47, с. 87], и в этом его сакральный смысл. Задача праздника – ритуально вернуть общество к хаотичному состоянию смерти, и тем самым очистить его от всего отжившего, загрязненного и ненужного, накопившегося за год. Как бы «перезапустить» жизнь и начать ее с чистого листа [1, с. 228; 17, с. 217; 22, с. 27]. Самый главный праздник – солнцеворот, время, когда «умирает» прежнее солнце и «рождается» новое. Французский антрополог Рене Жирар дает психологическое объяснение празднику и полагает, что основная его цель – дать выход накопившимся эмоциям, в обычной жизни сдерживаемым социальными и ритуальными запретами, потому праздник является психологической разрядкой для общества и приводит к последующему эмоциональному умиротворению. Эта точка зрения не лишена здравого смысла, тем более, что кульминацией любого архаического праздника является ритуальное жертвоприношение, в котором обязаны участвовать все, без исключения, члены общины, которое Жирар также интерпретирует в данном ключе.

«Праздничный» антураж Февральской революции достаточно очевиден. В марте 1917 г., ощущение праздника грянуло на всю страну. Надев красные банты, горожане устремились на улицы, чтобы приветствовать свободу, всеобщую, великую и неделимую. Массовые шествия по улицам, бесконечные революционные славословия, братания и лобызания. Праздное гуляние по улицам от митинга к митингу стало главным занятием горожан. Незнакомые друг с другом прохожие сразу заводили дружбу, целовались и обнимались [28, с. 60; 33, с. 70].

О приподнятом радостном настроении городов свидетельствуют практически все мемуаристы. Интересно, что многие из них говорят о сакральном отношении к революции, проявившемся спонтанно в первые же дни марта. Повсеместно встречаются сравнение революции со святым праздником Пасхи, а российского народа – с воскресшим Христом [2, с. 50; 18, с. 200; 19, с. 25–26, 79–82; 21, с. 16; 28, с. 60; 30, с. 35, 36; 35, с. 89].

Маскарадно-карнавальные черты Февральской революции повсеместно присутствуют в массовых народных движениях. Одним из наиболее явных признаков карнавала стал красный цвет, которым запестрели городские улицы, площади и прохожие. Красный цвет мгновенно превратился в главный символ революции. Не было никого, кто бы не надел на себя красную ленточку или бант. Красными полотнами

украшаются здания и паровозы, красными флагами снабжаются даже памятники, в том числе царям, и иконы в церквях [12, с. 343; 19, с. 65, 134; 21, с. 9]. Первое, что исчезло из магазинов, была красная материя и бумага, после чего в ход пошли красные блузки, юбки, платки, фартуки, разрывающиеся на множество красных лоскутов [19, с. 24, 27, 235]. Красные ленты вплетались в хвосты и гривы казачьих коней [19, с. 25]. Красными бантами украшают себя даже офицеры, священники, бывшие жандармы. Поговаривали даже, что сам Великий князь Кирилл Владимирович хаживал по улицам с красным бантом, а известный черносотенец В. М. Пуришкевич прикрепил на свой костюм красную гвоздику [19, с. 29, 30, 65; 28, с. 61]. Конечно для многих «бывших» это было жизненно важным вопросом маскировки, т.к. выйти на улицу без красного символа было опасным признаком контрреволюции.

Анекдотичный случай приводит Ф. Харпер. Когда в момент массовых арестов «бывших» в Петрограде в комнату к иностранным гостям в гостинице Астория врываются вооруженные солдаты, единственным их спасением неожиданно оказывается красная печать в дипломатическом паспорте американского дипломата Клифорта. Солдаты не сумели ничего понять в паспорте, однако красный цвет печати их немедленно успокоил, и ситуация благополучно разрешилась [42, с. 60].

Новую жизнь получает в февральско-мартовские дни художественное творчество, которое впервые приобретает площадные масштабы. Профессия художника становится одной из самых востребованных. Плакатами, транспарантами, знаменами повсеместно украшаются здания и площади городов, они становятся важными атрибутами всех уличных шествий [25, с. 68–73].

Карнавальным вид всему происходящему добавляли и театры, также вышедшие на площади со своими экстравагантными представлениями с прожекторами, фейерверками, сотнями участников и тысячами зрителей. Особое место заняли т.н. «митинги-концерты», совмещавшие в себе политическую составляющую и карнавальную дух [20, с. 333–334; 36, с. 376, 396, 400–401, 404]. Не отставала и русская традиционная балаганно-смеховая культура, где место главного шута – Петрушки занимают царь Николашка и Гришка Распутин [2, с. 53].

Ну и, конечно, наряду с красным цветом, главным признаком революционного времени становится песня. Революционные песни скрепляют массовые шествия, вдохновляют их и придают смысл всему действию. Без революционных песен не обходится ни одно сколько-нибудь массовое собрание. Зачастую песни сопровождалось оркестровыми аранжировками, придавая революции особо праздничный вид [9, с. 91; 13, с. 44; 19, с. 16; 27, с. 73–111].

Нельзя не упомянуть и еще об одной традиционной форме праздничной культуры – ряженых, о которых напоминает новая революционная мода в одежде. Самыми известными ее носителями стали матросы. Матрос в брюках клеш с «декольте» и фуражкой набекрень стал символом революции. Внешний вид солдат и матросов стал выглядеть максимально небрежно при одновременном стремлении украшать себя перстнями, хлыстами и даже соломенными шляпами. Они перестали стричь волосы, «кок» на голове становится особым шиком. В их внешнем облике перемешивается гражданский и военный стиль, форменная одежда нивелируется и вскоре становится не вполне понятно, кто именно перед тобой [19, с. 152, 179]. Это касалось не только военных. «Проходит перед моими окнами с красным флагом сельское население на «митинг», одеты они так, будто вот сейчас разграбили какой-то город и надели на себя кто что смог утащить: один в крестьянских сапогах и в сюртуке, другой надел на голову цилиндр, девушки в шляпах», - пишет о крестьянах своей деревни М. Пришвин [10, с. 96]. А вот как описывает митинг домашней прислуги Ф. Харпер: «Это были самые разные женщины, сходные только в одном – все они носили цветные

чулки. Излюбленным оттенком был пурпурный. Следом за ним шел электрик. На одной пожилой даме были чулки в разноцветную полоску, изумрудно-зеленую и ярко-красную. Простые черные или белые чулки не носила ни одна из женщин, которых я видела» [42, с. 163].

Дополняли празднично-балаганное представление и всевозможные шумовые эффекты революции: скандирование, фейерверки, стрельба.

Важным признаком праздника является расточительство. Плодородие рождается из неумеренности – таков главный императив всех архаических праздников. «Сбережение, накопление, мера характеризуют собой ритм профанной жизни, а расточительство и неумеренность – ритм праздника, этой экзальтированно-сакральной жизни, которая прерывает ход обычной жизни и сообщает ей юность и здоровье» [17, с. 238]. В архаических обществах месяцы тратились на то, чтобы скопить припасы, которые беспощадно транжирились в течение праздника. Неразрывно с праздником связано и употребление опьяняющих веществ, которые стимулировали «неправильное» праздничное поведение, а также мобилизовали творческую энергию, необходимую для обновления мира [4, с. 249].

Признаки непомерного расточительства демонстрирует и Февральская революция. Грабежи и погромы продуктовых и винных лавок были легитимизированы революцией. Революционные массы не считали это преступлением, напротив, это стало признаком проявления истиной революционности. Повсеместно в городах создавались питательные пункты, где раздавали по большей части реквизированные продукты питания. Когда еще, как ни в дни мартовской революции можно было бесплатно отведать на улице жареного гуся или колбасу? [2, с. 50]. Солдаты же рассудили, что революция даровала им право бесплатного проезда в общественном транспорте [21, с. 35].

О случаях массового пьянства в 1917 г. написано много. Хотя русский народ и раньше не отличался трезвостью, с началом революции массовое пьянство, погромы винных складов и заводов принимают беспрецедентные масштабы [7, с. 229, 248–249, 250–252; 8, с. 300–301; 16, с. 104; 21, с. 96; 44, с. 276, 284]. Появляется даже выражение «напиться по-революционному» [7, с. 250]. Солдаты напрямую ассоциируют безудержное пьянство со свободной жизнью [8, с. 302–303].

Особое сакральное место в архаическом празднике занимают сексуальные оргии. Их смысл также в том, чтобы вернуть общину в докосмогоническое состояние хаоса, из которого будет сотворена новая плодородная жизнь [17, с. 236; 47, с. 216–217].

Половые акты, совершаемые на улицах на глазах у гогочущей толпы – один из признаков февральско-мартовских дней 1917 г. Проститутка же обретает статус мученицы, угнетенной старым режимом [6, с. 215–216]. Как только доктрина «все люди равны» достигла фронта, это немедленно вылилось в массовые сексуальные домогательства солдат к медсестрам. Многие медсестры против этого не возражали, свидетельствует с Западного фронта Ф. Харпер [42, с. 86–90, 103, 123].

Праздник – это время хаоса, где все переворачивается «с ног на голову». Все, что в обыденной жизни выглядит однозначным и незыблемым, во время праздника теряет свое значение или обретает противоположное. Революция являет собой именно такое время. В театрах и вузах шли бесконечные политические митинги, учебные помещения вузов использовались под общежития и столовые для солдат, склады оружия, санчасти для жертв революции. Вообще признаком времени становится самовольный захват чужих помещений [21, с. 32; 34, с. 130–132]. Из тюрем выпущены все заключенные, включая уголовников, а там, где они сохранились, были сломаны замки, а заключенные занимаются самоуправлением и вместе со своими конвоирами организуют собственные митинги в поддержку революции [19, с. 35–36].

Люди перестают ходить по тротуарам, предпочитая перемещаться теперь исключительно по мостовой, улицы и общественные места приобрели омерзительно грязный вид. Шелуха от семечек, которой оказалось засыпано буквально все, становится неотъемлемым признаком времени [2, с. 50; 7, с. 227; 9, с. 93–94, 116; 21, с. 31]. Даже штаб новой революционной власти – Таврический дворец буквально за несколько революционных дней превратился в проходной двор. «Везде окурки, грязь, вороха грязной посуды и спитых чайных стаканов. Кое-кто пальцами, без ножей и вилок, на бумажках, ест что-то. Женщина из простых с грохотом собирает посуду. Я помню, как меня поразило, что эта баба, нисколько не стесняясь, через всю комнату крикнула: «Эй, Павел, что кипяток-то еще будет?» В углу на полу, на разостланном пальто кто-то спал». Такие воспоминания оставил сын бывшего министра И. Л. Горемыкина, без труда проникший в Таврический дворец, вслед за арестованным отцом [11, с. 201].

Повседневная работа несовместима с культурой праздника, поэтому рутинной больше не интересовался никто, ни рабочие, ни студенты, ни дворники, ни прислуга, ни вагоновожатые. Даже пожарные вместо того, чтобы тушить пожар, предпочитали, украсившись красными бантами, пить водку с рабочими и орать революционные песни [10, с. 178]. Поэтому вузы были отданы под митинги, фабрики остановились, трамваи перестали ходить, а города пришли в запустение.

Главное ритуальное действие праздника – нарушение запретов. Российское общество в 1917 г. во-многом напоминает детей, вырвавшихся из-под контроля родителей, когда внезапно становится можно все то, что было запрещено. М. Пришвин приводит характерный случай в трамвае, когда одна женщина из простого сословия подошла к даме интеллигентного вида и пощупала ее вуаль. «Вот как они понимают свободу! – сказала барыня» [30, с. 172]. Поведение крестьян, описанное княжной Грузинской напоминает школьный буллинг. «Мальчишки и даже взрослые входили ежеминутно в дом даже когда помещики обедали, смотрели, что они едят, посмеиваясь над ними, и делали их жизнь невыносимой» [12, с. 353]. Примерно о том же пишет и помещик Д. Путилов: «Крестьянская молодежь при нашем появлении в деревне или просто на дороге часто отпускала обидные и прямо оскорбительные замечания, бывало, вдогонку летели камни» [31, с. 375]. Солдаты в поездах, вовсе не желавшие теперь платить за проезд, лезли именно в те вагоны, в которых им ранее ехать запрещалось [7, с. 223]. Монахини отказывались соблюдать правила монастырского устава, требуя права принимать гостей в позднее время [21, с. 18], и т.д. Бесчисленное множество хулиганских действий толпы, носящих демонстративно противоправный характер перечислить невозможно. Эта ситуация нашла свое отражение и в городском фольклоре, главным романтическим героем которого становится вор, грабитель или убийца, в крайнем случае мелкий жулик или проститутка [32, с. 423].

Связанным с отменой запретов способом разрушения социальной реальности во время праздника является смена социальных ролей. В этой связи нельзя не вспомнить об одном из самых известных праздников в греко-латинской культуре – римских сатурналиях, в честь которых были названы аналогичные праздники у современных европейских народов. Они выглядят как прямой прототип революции и характеризуются всеми вышеперечисленными аспектами массовой разнузданности, но хотелось бы выделить один важный обычай этого праздника. Это свобода, дававшаяся на это время рабам. Раб получал возможность сидеть за столом господина, оскорблять его, напиваться и вообще совершать любые поступки, за которые в обычное время был бы непременно казнен. Господа же, наоборот, не только не имели права попрекать рабов, но и обязаны были им прислуживать. Рабы на время праздника получали возможность распоряжаться господами, могли даже занимать государственные должности и

устанавливали законы. Точно такая же традиция была и на сакейских праздниках в Вавилоне [17, с. 239; 41, с. 648–649].

Смена социальных ролей – главный итог революции. Царские чиновники и жандармы оказались в тюрьме и подверглись всенародному радостному оскорблению и поношению, заключенные же были выпущены из тюрем. Приказ № 1 сделал солдат настоящими хозяевами воинских частей. Помещики были максимально унижены, а крестьяне сделались хозяевами положения в деревне и т.д. Все эти процессы подробно описаны в историографии и общеизвестны. «Кто был ничем, тот станет всем» – ключевая мечта революционного праздника, казалось, в полной мере воплощалась в жизнь.

Таким образом, революция имела все черты архетипичного праздника, за исключением одного. Любой праздник, в отличие от революции, имеет четко очерченные границы своего начала и конца. Точное время окончания праздника необходимо, во-первых, за тем, чтобы вовремя вернуть общество к созидательной жизни, ради которой праздник и совершался, а во-вторых потому, что праздник – это всегда эскалация агрессии, которое необходимо в конечном итоге обуздать ради элементарного выживания сообщества. Кульминацией всех архаических праздников является ритуальное жертвоприношение. Одна из важнейших функций жертвы, а согласно Р. Жирару, основная, – аккумуляция на себе всех агрессивных эмоций сообщества. Выплескивая всю накопившуюся агрессию на одну жертву, общество приходит к умиротворению. Поэтому важным требованием к выбору жертвы является ее незащищенность. Чтобы пресечь насилие необходимо, чтобы за жертву некому было мстить, в противном случае ситуация будет чревата кровной мстью. Поэтому жертву выбирали среди военнопленных, или оторвавшихся от сообщества королей, иногда из непрошедших инициацию детей, иногда жертва заранее покупалась и проч. [15, с. 75–76, 360; 41, с. 481–482]. Со временем человеческие жертвоприношения были заменены животными, а в высокоразвитых культурах – символами, как сжигание чучела на масленицу или символическое вкушение крови и плоти Христа. Жертвоприношение являлось окончанием праздника, после чего жизнь снова входила в обычное русло.

Однако так бывало не всегда. Были и ситуации «плохо кончившегося праздника», когда праздник приводил не к ожидаемому умиротворению, а, напротив, к дальнейшей эскалации насилия. Р. Жирар приписывает такие ситуации больным обществам, находящимся на стадии разложения. В этом случае в древнем обществе на сцену выходит такая опасная социальная болезнь, как кровная мсть. Такие общества, как правило, находятся в состоянии непрерывных войн с соседями, или подвержены внутриобщинным распрям, что приводит к их быстрому распаду и уничтожению [15, с. 167–168].

К осени 1917 г. ситуация в России очень напоминала «плохо кончившийся праздник», и бессознательный поиск «жертвы отпущения» начался именно среди самых на тот момент незащищенных «очкариков», «толстопузых» и прочих чистоплюев. Осенью 1917 г. выйти на улицу в слишком чистой одежде или в очках было небезопасно для жизни. В-сущности, большевики, известные своим виртуозным умением чувствовать и манипулировать настроениями масс, в итоге принесли одну часть общества в жертву другой, однако избежать массового кровопролития не удалось.

Социально-политическая жизнь, безусловно, сложнее мифа, она имеет много граней, в том числе экономического и политического характера. Избежать Гражданской войны было невозможно по целому ряду политических причин. Однако и человек сложнее, чем его рациональная составляющая, поскольку помимо сознания, он имеет чувства и эмоции, а значит носит в себе огромный пласт бессознательного. Что

из этого в наибольшей степени мотивирует поведение людей, и соответственно приводит в движение исторический процесс, большой вопрос. Однако упускать из виду иррациональный аспект истории было бы ошибкой.

Список источников и литературы

1. *Алексеева Е. В.* Архетипы в сценариях праздничной культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 4. С. 223–230.
2. *Архипов И. Л.* Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.
3. *Бакулин В. И.* Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 81–95.
4. *Бочаров В. В.* Праздник, харизматическая власть и опьяняющие вещества // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы : XII конгресс антропологов и этнологов России. Москва: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 249.
5. *Бочаров В. В.* Русская празднично-питейная культура и власть (антропологический аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4 (87). С. 178–192.
6. *Булдаков В. П.* Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 208–218.
7. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Москва: РОССПЭН, 2010. 967 с.
8. *Булдаков В. П.* Революционная наркотизация: параметры проблемы // Историческая наука и образование на рубеже веков. Москва: Собрание, 2004. С. 300–313.
9. *Гиппиус З.* Дневники. Москва: Захаров, 2002. 364 с.
10. *Голубинцев С. В.* Февраль – глазами юнкера // Февраль 1917 глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 175–184.
11. *Горемыкин М. И.* 2 марта 1917 г. в Государственной Думе // Февраль 1917 глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 201–209.
12. *Грузинская Н. П.* Записки контрреволюционерки // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 342–371.
13. *Дубровская Е. Ю.* Городское пространство Гельсингфорса глазами российских военных и символический переворот революции 1917 года // Известия Российского Государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 38–51.
14. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода // Февраль 1917 глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 55–70.
15. *Жирар Р.* Насилие и священное. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 448 с.
16. *Ильюхов А. А.* Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 95–107.
17. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. Москва: ОГИ, 2003. 293 с.
18. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Санкт-Петербург: Глаголь, 1994. С. 188–203.
19. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. Санкт-Петербург: Лики России, 2012. 318 с.
20. *Колоницкий Б. И.* Спрос на революцию: политические символы и массовая культура в 1917 г. // Россия в контексте мировой истории : сборник статей. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 331–340.
21. *Коробков Ю. Д.* Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2000. 128 с.

22. *Кэмпбел Дж.* Тысячеликий герой. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 352 с.
23. *Лавик-Гудолл Дж.* В тени человека. Москва: Мир, 1974. 207 с.
24. *Лазарева Л. Н.* Праздник как архетип и архетип в празднике // Культура-искусство-образование: взаимозависимость результатов науки и практики : XXXIII науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава академии. Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2012. Ч. 1. С. 272–277.
25. *Латишин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Москва: Сов. художник, 1983. 496 с.
26. *Лебон Г.* Психология народов и масс. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 272 с.
27. *Марков И.* Как произошла революция // Февраль глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 70–115.
28. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Москва: Вече, 2016. 576 с.
29. *Московичи С.* Век толп. Москва: Центр психологии и психотерапии, 2008. 480 с.
30. *Пришвин М.* Революция – это месть за мечту. Из дневника 1917–1918. Санкт-Петербург: Росток, 2018. 407 с.
31. *Путилов Д.* На обломках старого мира. Воспоминания бывшего помещика о положении в деревне в 1918–1919 гг. // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 371–388.
32. *Раку М.* «Музыка революции» в поисках языка // Антропология революции. Москва: Новое лит. обозрение, 2009. С. 400–435.
33. *Реден Н.* Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина 1914-1919. Москва: Центрполиграф, 2006. 286 с.
34. *Сизова А. Ю.* Российская высшая школа в 1917 г.: между самодержавием и большевизмом. Москва: Проспект, 2017. 192 с.
35. *Сорокин П. А.* Долгий путь : автобиографический роман. Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР, 1991. 302 с.
36. *Стайтс Р.* Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Санкт-Петербург: Глаголь, 1994. С. 372–383.
37. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: АСТ, 2021. 264 с.
38. *Телицын В. Л.* Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 143–159.
39. *Топоров В. Н.* Праздник // Мифы народов мира. Т.2. Москва: Сов. энцикл., 1980. Т. 2. С. 329–331.
40. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 192 с.
41. *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. Москва: Политиздат, 1980. 831 с.
42. *Харпер Ф.* Неудержимая Россия // Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера. Москва: РОССПЭН, 2016. С. 12–242.
43. *Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории, 1997. С. 95–109.
44. *Ходнев Д.* Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 250–293.
45. *Шалыгин Ф.* Маска и душа. Москва: ПРОЗАИК, 2013. 621 с.
46. *Элиаде М.* Аспекты мифа. Москва: Инвест-ППП, 1995. 238 с.
47. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. Москва: REFL-book ; Киев: Ваклер, 1996. 288 с.
48. *Юнг К. Г.* О психологии бессознательного. Москва: Канон, 1994. 317 с.

References

1. Alekseeva, EV 2007, 'Arkhetipy v stsenariyakh prazdnichnoy kul'tury' (Archetypes in holiday culture scenarios), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta (Vestnik of Saint Petersburg University)*, series 6, no 4, pp. 223–228. (in Russ.)
2. Arkhipov, IL 1994, 'Obshchestvennaya psikhologiya petrogradskikh obyvateley v 1917 godu' (Social Psychology of Petrograd Commoners in 1917), *Voprosy istorii (Issues of History)*, no 7, pp. 49–58. (in Russ.)
3. Bakulin, VI 1998, 'Stikhiyno-anarkhicheskiy komponent sobytiy 1917 goda v Vyatskoy gubernii' (Spontaneous anarchic component of the events of 1917 in Vyatka Governorate), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking)*, Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 81–95. (in Russ.)
4. Bocharov, VV 2017, 'Prazdnik, kharizmaticheskaya vlast' i op'yanyayushchiye veshchestva' (Feast, charismatic power and intoxicating substances), *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennye vyzovy. XII kongress antropologov i etnologov Rossii (Mission of anthropology and ethnology: scientific traditions and contemporary challenges. 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia)*, Institut etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk publ, Moscow- Izhevsk. (in Russ.)
5. Bocharov, VV 2016, 'Russkaya prazdnichno-piteynaya kul'tura i vlast' (antropologicheskiy aspekt)' (Russian festive drinking culture and power: anthropological perspective), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii (Journal of Sociology and Social Anthropology)*, vol 19, no 4 (87), pp. 178–192. (in Russ.)
6. Buldakov, VP 1997, 'Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psikhologii "cheloveka s ruzh'em"' (The origins and consequences of a soldier's riot: To the issue of the psychology of a «Man with a rifle»), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu (1917 in the fate of Russia and the world. February revolution from new sources to new thinking)*, Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 208–218. (in Russ.)
7. Buldakov, VP 2010, *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya (The Red Cloud: Nature and Consequences of Revolutionary Violence)*, ROSSPEN publ, Moscow. (in Russ.)
8. Buldakov, VP 2004, 'Revolyutsionnaya narkotizatsiya: parametry problem' (Drug revolution: the dimensions of the problem), *Istoricheskaya nauka i obrazovaniye na rubezhe vekov (Historical science and education at the turn of the century)*, Sobraniye publ, Moscow, pp. 300–313. (in Russ.)
9. Gippius, Z 2002, *Dnevnik (Journal)*, Zakharov publ, Moscow. (in Russ.)
10. Golubintsev, SV 2017, 'Fevral' – glazami yunkera' (February viewed by Junckers), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev (February 1917 viewed by witnesses)*, AIRIS-press publ, Moscow, pp. 175–184. (in Russ.)
11. Goremykin, MI 2017, '2 marta 1917 goda v Gosudarstvennoy Dume' (2 March 1917 in the State Duma), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev (February 1917 viewed by witnesses)*, AIRIS-press publ, Moscow, pp. 201–209. (in Russ.)
12. Gruzinskaya, NP 1998, 'Zapiski kontrrevolyutsionerki' (Notes of counter-revolutionary), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking)*, Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 342–371. (in Russ.)
13. Dubrovskaya, EYu 2010, 'Gorodskoye prostranstvo Gel'singforsa glazami rossiyskikh voyennykh i simvolicheskiy perevorot revolyutsii 1917 goda' (City space of Helsingfors viewed by Russian militaries and symbolic coup in 1917 revolution), *Izvestiya Rossiyskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena (News of the Russian State Pedagogical University) № 124, Saint Petersburg.* pp. 38–51. (in Russ.)
14. Zhevakhov, ND 2017, 'Vospominaniya tovarishcha ober-prokurora Sv. Sinoda' (Memoirs of the Deputy Head of St. Synod), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev (February 1917 viewed by witnesses)*, AIRIS-press publ, Moscow, pp. 55–70. (in Russ.)

15. Zhirar, R 2000, *Nasiliye i svyashchennoye* (Violence and the Sacred), Novoye literaturnoye obozreniye publ, Moscow. (in Russ.)
16. Il'yukhov, AA 1998, 'Rol' soldat v revolyutsii 1917 g., ili kto "delal" revolyutsiyu v Smolenskoj gubernii' (Role of soldiers in the 1917 Revolution, or who "made" revolution in Smolensk province), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoj istorii publ, Moscow, pp. 95–107. (in Russ.)
17. Caillois, R 2003, *Mifi chelovek. Chelovek i sakral'noye* (Myth and Man. Man and Sacred), OGI publ, Moscow. (in Russ.)
18. Kolonitskiy, BI 1994, 'Antiburzhuaznaya propaganda i "antiburzhuyskoye" soznaniye' (Anti-bourgeois propaganda and «anti-bourgeois» consciousness), *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* (Anatomy of the Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power), Glagol publ, Saint Petersburg, pp. 188–203. (in Russ.)
19. Kolonitskiy, BI 2012, *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoj revolyutsii 1917 goda* (Symbols of Power and the Struggle for Power: To Study the Political Culture of the Russian Revolution 1917), Liki Rossii publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
20. Kolonitskiy, BI 2002, 'Spros na revolyutsiyu: politicheskiye simvoly i massovaya kul'tura v 1917 godu' (Demand for revolution: political symbols and popular culture in 1917), *Rossiya v kontekste mirovoy istorii* (Russia in the context of world history), Nauka publ, Saint Petersburg, pp. 331–340. (in Russ.)
21. Korobkov, IuD 2000, *Mezhdu dvuglavym orlom i krasnym znamenem. Obshchestvennoye soznaniye rossiyskogo obshchestva v 1917 godu* (Between the two-headed eagle and the red flag. The public consciousness of Russian society in 1917), Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta publ, Magnitogorsk. (in Russ.)
22. Campbell, J 2018, *Tysyachelikiy geroy* (The Hero with a Thousand Faces), Piter publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
23. Lawick-Goodall, J 1974, *V teni cheloveka* (In the Shadow of Man), Mir publ, Moscow. (in Russ.)
24. Lazareva, LN 2012, 'Prazdnik kak arkhetyip i arkhetyip v prazdnike' (A Feast like an archetype and an archetype in a feast), *Kul'tura-iskusstvo-obrazovaniye: vzaimozavisimost' rezul'tatov nauki i praktiki. Chast' 1* (Cultural-artistic education: interdependence of science and practice. Part 1), Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv publ, Chelyabinsk. (in Russ.)
25. Lapshin, VP 1983, *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvyy i Petrograda v 1917 godu* (Art life in Moscow and Petrograd in 1917), Sovetskiy khudozhnik publ, Moscow. (in Russ.)
26. Lebon, G 2008, *Psikhologiya narodov i mass* (The Psychology of Peoples и The Crowd), TERRA-Knizhnyy klub publ, Moscow. (in Russ.)
27. Markov, I 2017, 'Kak proizoshla revolyutsiya' (How there was a revolution), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev* (February 1917 viewed by witnesses), AIRIS-press publ, Moscow, pp. 70–115. (in Russ.)
28. Mel'gunov, SP 2016, *Martovskiye dni 1917 goda* (March days in 1917), Veche publ, Moscow. (in Russ.)
29. Moskovichi, S 2008, *Vek tolp* (The Age of the Crowd), Tsentr psikhologii i psikhoterapii publ, Moscow. (in Russ.)
30. Prishvin, M 2018, *Revolyutsiya – eto mest' za mechtu. Iz dnevnika 1917–1918* (The revolution is revenge for a dream. From the journal 1917–1918), Rostok publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
31. Putilov, D 1998, 'Na oblomkakh starogo mira. Vospominaniya byvshego pomeschchika o polozhenii v derevne v 1918–1919 godov (On the wreckage of the old world. Former landowner's memories of the village in 1918–1919), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoj istorii, Moscow, pp. 371–388. (in Russ.)
32. Raku, M 2009, "'Muzyka revolyutsii" v poiskakh yazyka («Music of the Revolution» in search of language), *Antropologiya revolyutsii* (Anthropology of revolution), Novoye literaturnoye obozreniye publ, Moscow, pp. 400–435. (in Russ.)

33. Reden, N 2006, *Skvoz' ad russkoy revolyutsii. Vospominaniya gardemarina 1914–1919* (Through the Hell of the Russian Revolution. Memories of the midshipman 1914–1919), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (in Russ.)
34. Sizova, AYu 2017, *Rossiyskaya vysshaya shkola v 1917 godu: mezhdru samoderzhaviyem i bol'shevizmom* (Russian Higher School in 1917: between autocracy and Bolshevism), Prospekt publ, Moscow. (in Russ.)
35. Sorokin, PA 1991, *Dolgiy put': Avtobiograficheskiy roman* (The Long Journey: Autobiographical Novel), Soyuz zhurnalistov Komi SSR publ, Syktyvkar. (in Russ.)
36. Staits, R 1994, *Russkaya revolyutsionnaya kul'tura i eye mesto v istorii kul'turnykh revolyutsiy* (Russian revolutionary culture and its place in the history of cultural revolutions), *Anatomiia revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* (Anatomy of the Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power), Glagol publ, Saint Petersburg, pp. 372–383. (in Russ.)
37. Tard, G 2021, *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* (The crowd and the public), AST publ, Moscow. (in Russ.)
38. Telitsyn, VL 1998, *Oktyabr' 1917 goda i krest'yanstvo: povedencheskiy imperativ i khozyaystvennaya obuslovlennost'* (October 1917 and peasantry: behavioural imperative and economic conditionality), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 143–159. (in Russ.)
39. Toporov, VN 1980, 'Prazdnik' (Feast), *Mify narodov mira* (Myths of nations of the world), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow, pp. 329–331. (in Russ.)
40. Freud, S 2008, *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo 'Ya'* (Group Psychology and the Analysis of the Self), Izdatel'skiy dom 'Azбуka-klassika' publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
41. Frazer, JG 1980, *Zolotaya vetv'* (The Golden Bough), Izdatel'stvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (in Russ.)
42. Harper, F 2016, 'Neuderzhimaya Rossiya' (Runaway Russia), *Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh. Zapiski reportera* (Russia 1917 in ego-documents. Reporter's notes), ROSSPEN publ, Moscow, pp. 12–242. (in Russ.)
43. Khasegava, Ts 1997, *Fevral'skaya revolyutsiya: konsensus issledovateley?* (February Revolution: the consensus of researchers?), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. February revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 95–109. (in Russ.)
44. Khodnev, D 1997, 'Fevral'skaya revolyutsiya i zapasnoy batal'on leyb-gvardii Finlyandskogo polka' (February Revolution and Reserve Battalion of the Finnish Guard), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. February revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 250–293. (in Russ.)
45. Shalyapin, F 2013, *Maska i dusha* (Mask and soul), PROZAIK publ, Moscow. (in Russ.)
46. Eliade, M 1995, *Aspekty mifa* (Aspects of the myth), Invest-PPP publ, Moscow. (in Russ.)
47. Eliade, M 1996, *Mify, snovideniia, misterii* (Myths, Dreams and Mysteries), REFL-book publ, Vakler publ, Moscow. (in Russ.)
48. Jung, CG 1994, *O psikhologii bessoznatel'nogo* (Psychology of the Unconscious), Kanon, Moscow. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.01.2022
Одобрена после рецензирования: 04.02.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 17.01.2022
Approved after reviewing: 04.02.2022
Accepted for publication: 25.03.2022